

**ПОЛИСЕМИЧНОСТЬ ОБРАЗА ПОЛЁВКИ В
ПРОИЗВЕДЕНИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»**

Тангирова Гульнара Иззетовна

Чирчикский государственный педагогический институт Ташкентской области
преподаватель русского языка и литературы

Аннотация: В данной статье даётся анализ символического образа мыши в повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» с целью выяснить ещё один аспект художественного замысла писателя, взаимосвязь с русским народным творчеством, отечественными и зарубежными авторами, углубить представление о содержательной и идейной стороне творчества Ф.М. Достоевского. Материалы данной статьи могут быть использованы для углубления теоретических знаний учеников старших классов общеобразовательных школ, а также студентов филологических вузов.

Ключевые слова: символ, мышь (крыса), полёвка, сознание, подполье, парадоксалист, герой-идеолог.

С конца XIX века интерес к повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» значительно возрос. Достоевский впервые указал на социальную опасность трансформации «самостоятельного хотения» человека в «сознательно выбираемый ею принцип поведения», на рубеже XIX и XX вв.

Отдельного рассмотрения заслуживает герой «Записок из подполья». Своеобразие личности главного героя налицо, но каково возможное его освящение?

Обладатель «подпольного сознания» по большому счёту не определяем, из-за того, что само содержание показанного писателем «подпольного сознания» до конца не отвечает ни обрисованному герою повести, ни какому-либо отмеченному типу человека вообще. Оно по большей части – философское обобщение сознания человека как представителя реального исторического промежутка времени с его трудностями, русского человека, в то же время необязательно русского, если хотите, вне русской почвы вообще.

Представленное писателем сознание – это мир личностного человеческого сознания в его наследном смысле, мир размышлений и переживаний, который сам по себе изображает ценную составную часть того, что служит исторической действительностью.

«Подпольное сознание» прорывается как богатство замыслов, в которых воссоздана предрасположенность личности к обществу, к определенному времени, его тезисами параллельно его умению мыслительному противодействию общественно-теоретическим привычкам, социальным теориям, не принимающим во внимание самого наличия существования индивидуального разума с его правом на урегулирование проблем своей жизни. Это нестандартная заявка личности на почитание самооценности «Я». «Подпольное сознание» героя выходит за рамки, за интеллектуальные возможности самого героя, соединяет многоликость духовных характеристик и вероятностей индивидуальности в его безграничном развитии.

Слово «подполье» звучит в двух смыслах по отношению к человеческой душе: один – это всё злое и губительное в личности, другой – тайники души, все спрятанное в душе

человека и с трудом достигаемое.

Внутренний мир человека неотделим от его наружного окружения: или нечто повлияет на человека, либо человек нечто меняет вокруг себя, в большой зависимости от силы нрава.

Герой «Записок» принадлежит к первому типу людей, на которых оказывают воздействие внешние факторыизвне. «Тиран в душе», он не способен к дружбе. Он мчится к бесконтрольному господству над людьми и обстоятельствами, но у него не получается. Он принимает во вниманиекаждое чужое слово о себе, смотрится как бы во все зеркала чужих сознаний, знает все допустимыепреломления в них своего облика, он знает и свое непредвзятое определение, считается с точкой зрения «третьего». Но преимущество его заключается в том, что конечное слово всегда за ним, пусть это слово никто, кроме него не услышит, но оно будет заявлено.

Схоже то, что персонаж весьма расчетлив, злобен, совершающий мерзости скрытно. Его возможно сопоставить с сероватой мышью, что также незаметна, также незначительна, однако приносит с собой чуму.

Ф.М. Достоевский заполнялсвои произведения разнообразнымисимволами, роли которых многократно разбирались изыскателями, но образ «серой мыши» не был в достаточной мере полно разобран.Издревле с мышами связано множество поверий, легенд, примет. Мышь рассматривали как создание дьявола. По легенде, в поруВсемирного потопа мышь проделаладыру в ковчеге, которую заткнула кошка хвостом.

Мышь, обнаружившаяся в выкопанной могиле, усматривает, что покойник был колдуном и что злой дух в образе мыши вышел навстречу усопшему, чтобы забрать его душу. По преданию, если оставить на ночь недоеденный хлеб, ночью в виде мыши явятся им питаться души умерших . Есликошка поймает такую мышь, то это грозит несчастьями домашним за смерть предка. С мышью связаны и разного рода приметы:мышь оставляет дом – быть пожару; мышь, очутившаяся за пазухой знак большой беды. Для избавления от мыши обходили со всех сторон дома с освященной пасхальной едой, раскидывали скорлупки пасхальных яиц по углам дома.

Все эти мифологические притчи разрешают сделать заключение, что уже в давние времена такому маленькому грызуну, как мышь, уделялась далеко не последняя роль в жизни людей. Мышь обладаладьявольской властью над людьми, её страшились, с нею считались.

С другой стороны, во многих русских народных сказках мышь представляется сильным существом, но не дьявольским существом, а в образе помогающего.Мышь-помошник – популярныймотив сказок.Достаточно припомнитьсказкупрокурочкуРябу, где только мышка смогла разбить золотое яичко; сказку про репку, где толькоблагодаря мышке герои смогли вытащить репку; в сказке про трех медведей, где мышь помогает Машеньке в медвежьем доме. В сказках польского Поморья герой получает от мыши волшебную дудочку, исполняющую все его желания.

О мышиной силе говорит и общеизвестное суждениео том, что слон при одном ее виде убегает прочь, даже не пробуязатоптать. Аналогично слонам, мышей боятся и люди: при одном упоминании на наличие этого существа в доме, залезаютна стулья, табуреты и прочее.

Мы преувеличиваем силумышы, и нынешняякультура склонна к этомунаправлению (вспомним хотя бы мультфильмы о Микки Маусе, или Тома и Джерри, где в каждой очередной серии кот стремитсяпоймать мышонка, но тот всегда оказывается хитрее и

ловчее). В сказках мышь – это один из многих обманщиков или помощников героев. В баснях образ мыши наблюдается редко и подчинен задаче нравственного наставления.

Образ мыши проникает во многие произведения Ф.М. Достоевского. Особенно хорошо его можно рассмотреть в романе «Идиот». Главный персонаж романа Лев Мышкин – человек не от мира сего. Он любит детей и природу, проповедует доброту и гуманность, но он не пуглив и не сер, как мышь. Здесь образ мыши применен Достоевским для усиления сложности натуры.

В романе «Преступление и наказание» мышь представляется как нечто презренное и скверное, к тому же в тревожном пребывании героя как некий символ недомогания, чумы или видения. В очередной раз мышь выступает в роли нечистой силы. Вслед за этим, в этом же романе мышь выступает перед нами уже как потерпевшая, а главное – у нее появляется враг: «Мысли крутились в голове Раскольникова. Он был ужасно раздражен. «Главное, даже и не скрываются, и церемониться не хотят! А по какому случаю, коль меня совсем не знаешь, говорил ты обо мне с Никодимом Фомиче? Стало быть, уж и скрывать не хотят, что следят за мной, как стая собак! Так откровенно в рожу и плюют! – дрожал он от бешенства. – Ну, бейте прямо, а не играйте, как кошка с мышью».

Раскольников сам себя обозначает как мышь. Он не считает себя ничтожным, мерзким – он чувствует себя жертвой. Раскольников мало чем разнится от мыши-Свидригайлова: он также несостоятелен, также кормится, его многие игнорируют.

Через ряд лет образ мыши появляется в новом романе Достоевского «Бесы». Образ обрел иные грани и стал более насыщенным. «Я не заговорил бы об этом мерзавце особливо и не стоил бы он того, чтобы на нем останавливаться; но тут произошла одна возмущающая история, в которой он, как уверяют, тоже участвовал, а истории этой я никак не могу обойти в моей хронике.

В одно утро пронеслась по всему городу весть об одном безобразном и возмутительном кощунстве. При входе на нашу огромную рыночную площадь находится ветхая церковь Рождества Богородицы, составляющая замечательную древность в нашем древнем городе. У врат ограды издавна помещалась большая икона богородицы, вделанная за решеткой в стену. И вот икона была в одну ночь ограблена, стекло киота выбито, решетка изломана и из венца и ризы было вынуто несколько камней и жемчужин, не знаю очень ли драгоценных. Но главное в том, что кроме кражи совершено было бессмысленное, глумительное кощунство: за разбитым стеклом иконы нашли, говорят, утром живую мышь. Положительно известно теперь, четыре месяца спустя, что преступление совершено было каторжным Федькой, но почему-то прибавляют тут и участие Лямшина. Тогда никто не говорил о Лямшине и совсем не подозревали его, а теперь все утверждают, что это он выпустил тогда мышь. Помню, все наше начальство немного потерялось».

Мышь от обыкновенного существа вытянулась до бесовского оружия. Здесь важно говорить об образе мыши как о помощнике зловещих, сатанинских сил, орудующих против Бога. Вдобавок, немаловажно указать, что поступки эти устремлены украдкой, в потёмках и маленьким зверьком. Так поступают нерешительные и несправедливые люди.

Кто же он, герой повести «Записки из подполья»? Такой же беспокойный, переступающий и шуршащий? Или кроткий, малоприметный, праведный? Не только реальность самого персонажа, но и существующий вокруг него мир и уклад жизни втягиваются в процесс рефлексии, передвигаются из авторского круга интересов в круг интересов героя.

Человек подполья – сорокалетний отставной чиновник, он снимает «угол» – «жалкой, отвратительной» комнаты на окраине Петербурга. В «подполье» он и душевно практически всегда один, погружается в сверхмерное «мечтательство» темы и образы которого заимствованы из «книжек». Жилище его внешне, враздву, похоже на мышиную нору. Но в то же время герой в своем невзрачном пристанище не вселяет брезгливости и враждебности, потому, жилищный фактор не представляется существенным в обозначении характера направления мыслей персонажа.

В меру припомнить полевую Мышь из сказки Ганса Христиана Андерсена «Дюймовочка». «Полевая мышь жила в тепле и довольстве: все помещение было битком набито хлебными зёрнами, кухня и кладовая у нее были на загляденье». По сути дела, полевая Мышь была добродушная, она пригрела несчастную Дюймовочку у себя на зиму, но она была меркантильна, как гоголевская Коробочка. Персонаж «Записок» также меркантилен просто так ничего не делает. Он каждый раз обдумывает все на несколько шагов вперед, своё говорение и поступки, другой вопрос в том, что, попадая в реальность, он держит себя не так, как в иллюзиях. Он может имитировать правильное общение с окружающей публикой но не способен его повторить. Основание того – его изолированность. В «Записках» нравоучительного противовеса негативному образу нет. Парадокс исправит бал самолично. Автор в свою очередь стремится «не мешать» своему персонажу. Он, можно сказать, не растрчивает себя на диалоги; его связь с миром основывается только на собственном монологе, куда чужим доступ закрыт. В числе посторонних оказывается и вселенная.

В этом внутреннем диалоге самой максимальной высоты расследования отношений автора с языком и обществом («Бахтин, говоря о многозвучии Достоевского, все-таки имел в виду какого-то другого писателя) и начинается то уменьшение расстояния между писателем и героем, которое в конечном итоге установило и французский экзистенциализм, и русскую литературу завершающих двух десятилетий.

Стиль его слова далек окончанью как в единичных моментах, так и в общем. Это стиль в глубине души продолжительной речи, которая может быть машинально прервана, но не может быть закончена.

Но, как раз таки поэтому, так резонно окончание повести, тенденция, выдается заложенная в записках героем, к скрытой необъятности. «Но довольно; не хочу я больше писать «из Подполья, однако здесь еще не завершаются «записки» этого парадоксалиста. Он не вынес и действовал дальше. Но нам тоже кажется, что здесь можно и прекратить действовать».

Не только слово, и лицо у него с оглядкой и лазейкой.

Герой «Записок» терпеть не мог свое лицо, в нем он ощущает влияние иного над собою, он рассматривает его взором другого человека и замечает в нем что-то омерзительное и гнусное, оно создает у него брезгливость такое же. Какое внушает и нечистоплотная, серая подземная мышь: «Я, например, ненавижу свое лицо, находил, что оно гнусно, и даже подозревал, что в нем есть какое-то подлое выражение, и потому каждый раз, являясь в должности, мучительно старался держать себя как можно независимее, чтоб его не заподозрили меня в подлости, а лицом выражать как можно более благородства. «Пусть уж будет некрасивое лицо, – думал я, – но зато пусть будет оно благородное, выразительное и, главное, чрезвычайно умное». Но, я наверно и страдальчески знал, что всех этих совершенств мне никогда моим лицом не выразить. Но, что всего ужаснее, я находил его положительно глупым. А я бы вполне помирился на уме. Даже так, что согласился бы даже и на подлое выражение, с тем только, чтоб лицо мое находили в то же

время ужасно умным».

«Я случайно погляделся в зеркало. Вздурораженное лицо мое показалось до крайности отвратительным: бледное, злое, подлое, с лохматыми волосами. «Это пусть, этому я рад, – подумал я, – я именно рад, что покажусь ей отвратительным; мне это приятно».

Персонажсам себя соотносит с грызуном. Даже если он и заявляет, что завидует «здравому» человеку, он не стыдится обозвать себя мышью, большего он выдумывает объяснения позитивные моменты существованиямыши: «Ведь у людей, умеющих за себя отомстить и вообще за себя постоять, – как это, например, делается? Ведь их как обхватит, положим, чувство мести, так уж ничего больше во всем их существе на это время и не останется, кроме этого чувства. Такой господин так и прет прямо к цели, как взбесившийся бык, наклонив вниз рога, и только разве стена его останавливает. (Кстати:передстеной такие господа, то есть непосредственные люди и деятели, искренно пасуют. Для них стена – не отвод, как например для нас, людей думающих, а следственно, ничего не делающих; не предлог воротиться с дороги, предлог, в который наш брат обыкновенно и сам не верит, но которому всегда очень рад. Нет, они пасуют со всею искренностью.

Стена имеет для них что-то успокоительное, нравственно-разрешающее и окончательное, пожалуй, даже что-то мистическое... Но, об стене после). Ну-с, такого-то вот непосредственного человека я и считаю настоящим, нормальным человеком, каким хотела его видеть сама нежная мать – природа, любезно зарождая его на земле. Я такому человеку до крайней желчи завидую. Он глуп, я в этом с вами не спорю, но, может быть, нормальный человек и должен быть глуп, почему вы знаете? Может быть, это даже очень красиво. И я тем более убежден в злом, так сказать, подозрении, что если, например, взять антитез нормального человека, то есть человека усиленно сознающего, вышедшего, конечно, не из лона природы, а из реторты (это уже почти мистицизм, господа, но я подозреваю и это), то этот ретортный человек до того иногда пасует перед своим антитезом, что сам себя, со всем своим усиленным сознанием, добросовестно считает за мышью, а не за человека. Пусть это и усиленно сознающая мышь, но все-таки мышь, а тут человек, а следственно..., и проч. И, главное, он сам, сам ведь считает себя за мышью; его об этом никто не просит; а это важный пункт. Взглянем же теперь на эту мышью в действии.

Положим, например, она тоже обижена (а она почти всегда бывает обижена) и тоже желает отомстить. Злости-то в ней, может, еще и больше накопится, чем в l'homme de la nature et de la verite. Гадкое, низкое желанье воздать обидчику тем же злом, может, еще и гаже скребется в ней, чем в l'homme de la nature et de la verite, потому что l'homme de la nature et de la verite, по своей врожденной глупости, считает свое мщенье просто-запросто справедливостью; а мышью, вследствие усиленного сознания, отрицает тут справедливость. Доходитнаконец до самого дела, до самого акта отмщения. Несчастливая мышью кроме одной первоначальной гадости успела уже нагородить кругом себя, в виде вопросов и сомнений, столько других гадостей; к одному вопросу подвела столько неразрешенных вопросов, что поневоле кругом нее набирается какая-то роковая бурда, какая-то вонючая грязь, состоящая из ее сомнений, волнений и, наконец, из плевков, сыплющихся на нее от непосредственных деятелей, предстоящих торжественно кругом в виде судей и диктаторов и хохочущих над нею во всю здоровую глотку. Разумеется, ей остается махнуть на все своей лапкой и с улыбкой напускного презренья, которому и сама она не верит, постыдно проскользнуть в свою щелочку. Там, в своем мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышью немедленно погружается в

холодную, ядовитую и, главное, вековечную злость.

Сорок лет сряду будет припоминать до последних, самых постыдных подробностей свою обиду и при этом каждый раз прибавлять от себя подробности еще постыднейшие, злобно поддразнивая и раздражая себя собственной фантазией. Сама будет стыдиться своей фантазии, но все-таки все припомнит, все переберет, навидумает на себя небывальщины, под предлогом, что она тоже могла случиться, и ничего не простит. Пожалуй, и мстить начнет, но как-нибудь урывками, мелочами, из-за печки, инкогнито, не веря ни своему праву мстить, ни успеху своего мщения и зная наперед, что от всех своих попыток отомстить сама выстрадает во сто раз больше того, кому мстит, а тот, пожалуй, и не почешется.

На смертном одре опять-таки все припомнит, с накопившимися за все время процентами и... Но, именно вот в этом холодном, омерзительном полуотчаянии, полувере, в этом сознательном погребении самого себя заживо с горя, в подполье на сорок лет, в этой усиленно созданной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положения, во всем этом яде неудовлетворенных желаний, вошедших внутрь, во всей этой лихорадке колебаний, принятых навеки решений и через минуту опять наступающих раскаяний – и заключается сок того странного наслаждения, о котором я говорил. Оно до того тонкое, до того иногда не поддающееся сознанию, что чуть-чуть ограниченные люди или даже просто люди с крепкими нервами не поймут в нем ни единой черты. «Может, еще и те не поймут, – прибавите вы от себя, осклабясь, – которые никогда не получали пощечин, – и таким образом вежливо намекнете мне, что я в мою жизнь, может быть, тоже испытал пощечину, а потому и говорю как знаток. Бьюсь об заклад, что вы это думаете. Но, успокойтесь, господа, я не получал пощечин, хотя мне совершенно все равно, как бы вы об этом ни думали. Я, может быть, еще сам-то жалею, что в мою жизнь мало роздал пощечин. Но, довольно ни слова больше об этой чрезвычайно для вас интересной теме».

На первый взгляд герой не равняет себя с грызуном, но тем не менее, по мере рассуждений, поневоле принимается излагать своёповествование и выходит что он и есть мышь. Он видит свое минувшее. нынешнее и грядущее, и он вымыслил себе объяснение – всему виной его недовольство житием своим. Все же нельзя считать его во всех отношениях мышью, какую он изображает сам. По его размышлениям, мышь не умствующая, не способная рассуждать. Персонаж «Записок», наоборот, полон неоднородных ощущений и соображений. По неизвестной причине этот персонаж близок вскоре появившемуся в творчестве Достоевского Льву Мышкину. Они оба неоднозначны. Герой «Записок» в одном случае – агрессивная, склонная к мести мышь; в другом случае – размышляющий интеллект. Однозначно выяснить, к какому виду «мышей» он относится очень трудно. В этом и есть главная отличительная черта – он совмещает в себе качества всех. Неспроста «Записки из подполья» называют введением к пятикнижью Ф. М. Достоевского: романам «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы».

Античные авторы (Геофаст, Элиан подмечали умение мыши своим действием прогнозировать погоду, в особенности грозовую. Они предвещают перемены, они как бы прорицатели. Персонаж «Записок из подполья» – принципиально новый герой, герой-рупор, сам он ничего не совершает, но отражает мысли и чаяния того периода. В дальнейшем все эти тезисы составят монологи центральных персонажей больших произведений Достоевского – Раскольников, Ипполита Терентьева, Кириллова, Шатова, Ставрогина, Дмитрия и Ивана Карамазовых, приобретут продолжение и в философии русских революционных демократов, в конкретике, в концепции «разумного

эгоизма» Н.Г. Чернышевского.

Почему герой «Записок» – мышь? Он неблаговиден по внешнему виду, его также избегают люди, даже близкие приятели, в конечном итоге, он пребывает в подполье. Образ мышимал и она ничего сделать не может, но она предвещает события, пугает, тем самым выручая и поддерживая (приходит на выручку льву, помогает разбить золотое яйцо и т.д.). В этом и есть посланничество этого героя, он рассуждает только о себе, о своих собственных трудностях, но читатель обнаруживает в нем самого себя, окружающую реальность, замечает всю ужасную подноготную правду. Даже от ничем не примечательной серой полевки время от времени бывает полезность. Как мыши первыми спешат с идущему ко дну корабля, так и наш главный герой первым ушел в подполье...

Reference:

1. Тангирова, Г. И. (2020). Интерактивное образование и его дидактические возможности. *Science and Education*, 1(Special Issue 3).
2. Тангирова, Г. И. (2021). Мифологические реминисценции в современной русской прозе (ПРОЗА АС ПЕТРУШЕВСКОЙ, Л. УЛИЦКОЙ, Н. БАЙТОВА). *Scientific progress*, 1(4).
3. Тангирова, Г. И. (2021). Развитие философской лирики на фоне русского романтизма. *Academic research in educational sciences*, 2(9), 851-857.
4. Жабборова, О. М., Умарова, З. А. (2021). БОЛАЛАР ПЕДАГОГИКАСИ МАЗМУНИ ВА УНИ КЛАСТЕР УСУЛИДА ЎҚИТИШ. *Academic research in educational sciences, CSPI conference 1*, 59-62.
5. Мардонов, Ш. Қ., Жабборова, О. М. (2021). БЎЛАЖАК БОШЛАНҒИЧ СИНФ ЎҚИТУВЧИЛАРИНИ ТАЙЁРЛАШДА ЎҚИТИШНИНГ ИННОВАЦИОН КЛАСТЕР УСУЛИ. *Academic research in educational sciences, CSPI conference 1*, 142-145.
6. Жабборова, О. М. (2021). БОШЛАНҒИЧ ТАЪЛИМДА КЛАСТЕР УСУЛИДАН ФОЙДАЛАНИШНИНГ МЕХАНИЗМЛАРИ. *Academic research in educational sciences, CSPI conference 1*, 63-67.
7. Жабборова, О. М., Умарова, З. А. (2021). БОШЛАНҒИЧ СИНФЛАРДА ИНГЛИЗ ТИЛИНИ ЎҚИТИШНИНГ КЛАСТЕР УСУЛИ. *Academic research in educational sciences, CSPI conference 1*, 68-71.
8. Мардонов, Ш. Қ., Жабборова, О. М. (2021). ОЛИЙ БОШЛАНҒИЧ ТАЪЛИМ ЖАРАЁНИДА ЧЕТ ТИЛЛАРНИ ЎҚИТИШНИНГ ИННОВАЦИОН ЁНДАШУВЛАРИ. *Academic research in educational sciences, CSPI conference 1*, 119-121.
9. Жабборова, О. М. (2021). ЎҚИТИШНИНГ КРЕДИТ-МОДУЛЬ ТИЗИМИДА ЎҚУВ ФАНЛАРИНИ ТАНЛАШ ТАМОЙИЛАРИ. *ACADEMIC RESEARCH IN EDUCATIONAL SCIENCES*, 2(6), 1095-1099.
10. Жабборова, О. М. (2021). БОШЛАНҒИЧ ТАЪЛИМДА МАСОФАВИЙ ЎҚИТИШНИНГ ЭЛЕКТРОН-МОДУЛЛИ УСУЛЛАРИ. *ACADEMIC RESEARCH IN EDUCATIONAL SCIENCES*, 2(5), 1294-1299.
11. Жабборова, О., Ташпулатова, Д. (2021). Бошланғич синф ўқитувчиларининг малака талаблари. *Ekonomika i sotsium*, 5(84).
12. Каримжонов, А., Жабборова, О. (2021). Ян Амос Коменскийнинг таълим-тарбияга оид қарашлари. *Ekonomika i sotsium*, 5(84).
13. Жабборова, О. М., Ахмедова, Н. Ш. (2021). Бошланғич синф ўқувчиларини миллий ғоя асосида тарбиялаш омиллари. *Ekonomika i sotsium*, 4(83).